

Соглашения ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России

*Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович*¹

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009.

Двусторонние соглашения о свободной торговле (ССТ) сохраняют свою популярность и множатся, несмотря на зигзаги торговой политики США и ряда других государств. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) позже других экономик приступил к построению своей системы ССТ. Цель данной статьи — выявить мотивы заключения соглашений о свободной торговле, причины выбора партнеров и ожидаемые результаты двусторонней торговой либерализации для России. Выводы основаны на сравнительном анализе состава и текстов соглашений, а также учитывают результаты расчетов с использованием статистики торговли. Автор обосновывает точку зрения, что асимметрия ЕАЭС во многом определяет асимметрию как мотивов, так и экономических эффектов заключенных ССТ.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, Россия, соглашения о свободной торговле, экономические и политические мотивы.*

JEL коды: *F02, F14, F15.*

Введение

Двусторонние торговые соглашения продолжают распространяться по всему миру, несмотря на некоторое замедление этого процесса. Во многих случаях такие соглашения о свободной торговле (ССТ) заключаются между отдельной страной, с одной стороны, и группой стран с другой. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), являясь таможенным союзом, проводит единую торговую политику (или стремится к ее проведению). Общая торговая политика включает в себя, в частности, постепенное наращивание сети двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). Первым таким соглашением, подписанным от имени Союза в целом, а не отдельных его стран-участниц, стало ССТ с Вьетнамом (2015 г.). В 2018 г. ЕАЭС подписал временное соглашение с Ираном, а в 2019 г. — ССТ с Сингапуром и Сербией (табл. 1). Аналогичные переговоры или предварительные обсуждения ведутся и с некоторыми другими странами. В этом плане ЕАЭС не одинок. За последние десятилетия большинство стран с развитой экономикой и многие страны среднего уровня развития создали свои собственные сети ССТ.

¹ *Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович* — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики СПбГУ (Санкт-Петербург).

Таблица 1.

Соглашения о свободной торговле Евразийского экономического союза

Партнер	Дата подписания	Дата вступления в силу	Тип, по классификации ВТО ²
Вьетнам	29.05.2015	5.10.2016	По товарам и услугам
Иран	17.05.2018	27.10.2019	По товарам
Сингапур	1.10.2019	-*	По товарам
Сербия	25.10.2019	-*	По товарам

*По состоянию на 10.10.2020 ратификация не завершена.

Источник: ЕЭК (2020) и ВТО (2020).

Цель данной статьи — выявление особенностей уже подписанных соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и другими странами, обсуждение мотивов выбора партнеров, а также оценка ожидаемых экономических результатов.

Выводы основаны на сравнительном анализе состава и текстов соглашений, а также учитывают результаты расчетов с использованием статистики торговли товарами из базы данных Центра международной торговли (Trademap.org) и включают преобладание политических мотивов для подписания ССТ и их неоднозначные экономические результаты. Асимметрия ЕАЭС во многом определяет асимметрию как мотивов, так и экономических эффектов соглашений о ССТ.

Статья построена следующим образом. Вначале рассматриваются некоторые теории, объясняющие региональную и двустороннюю либерализацию торговли, политические и экономические мотивы стран-участниц. Основные разделы посвящены политическим и экономическим мотивам выбора партнеров по ССТ в случае ЕАЭС, особенностям каждого из 4-х подписанных соглашений и вероятным эффектам либерализации торговли с 4-мя странами-партнерами для России. В заключении представлены авторские выводы.

Асимметричные ССТ: теоретические подходы

ЕАЭС — это асимметричный таможенный союз, в котором доминирует Россия. Двусторонние ССТ, которые ЕАЭС начал заключать с другими государствами, также асимметричны с точки зрения размеров экономик договаривающихся сторон.

Ряд исследователей отмечает, что асимметрия в размерах и/или уровне развития оказывает влияние и на мотивы партнеров. Второстепенный партнер обычно стремится получить экономические выгоды главным образом за счет облегчения доступа к большому рынку. По мнению Тэдона Ли и Бьюнг-Ин Бая, ССТ между малыми развивающимися и крупными развитыми экономиками обеспечивают более высокий рост благосостояния для малых развивающихся экономик. Ожидаемые выгоды для этих стран варьируются от облегчения доступа к более широкому рынку, передачи технологий и навыков до увеличения потенциала для внутренних инвестиций (Taedong Lee, ByoungInn Bai, 2013).

² ВТО – Всемирная торговая организация.

К. Ямамото показывает, что маленькая страна может убедить большую принять предложение о ССТ, заранее предложив дополнительные уступки (Yamamoto, 2014). Можно согласиться с Н. Лимао, который утверждает, что многие РТС Север-Юг формируются по неэкономическим причинам. Преференциальный режим предоставляется, к примеру, в обмен на помощь в продвижении глобальной политической повестки дня (Limão, 2007). Неэкономические причины заключения ССТ включают в себя внутривнутриполитические причины, относящиеся к внутренней или внешней политике, и причины, связанные с политикой и психологией одновременно.

Цели основного партнера также могут включать экономическую составляющую. Например, ЕС с начала нового века пытается превратить свои преференциальные экономические соглашения со странами группы АКТ³ в более взаимные, добиваясь лучших условий доступа к рынкам этих бывших европейских колоний. Однако очевидно, что эффект от выхода крупной страны на малый рынок вряд ли сравним с аналогичным эффектом для малого партнера.

Одно из наиболее полных исследований экономических и политических факторов, влияющих на выбор партнеров по ССТ, проведено Дж. Хинцем. Помимо оценок экономических выгод, основанных на модели вычислимого общего равновесия (CGE), этот автор строит специальные индексы политической значимости и политического настроения, основанные на информации из глобальной базы данных событий, языка и тона (GDELT — Global Database of Events, Language and Tone). Его выводы сводятся к следующему. Торговая политика в форме региональных торговых соглашений используется в качестве инструмента внешней политики. Небольшие, но политически значимые страны экономически интегрируются с более крупной страной с большей вероятностью, чем предполагает их экономическая привлекательность. При данных допущениях большие страны могут сочетать экономические выгоды с политическими мотивами интеграции, в то время как малые страны остаются безразличными к мотивам страны-партнера (Hinz, 2017).

Подводя итог, можно сказать, что РТС и, в частности, ССТ, возникают в силу различных комбинаций экономических и политических мотивов. Давайте разберемся, как это работает в случае Евразийского экономического союза.

Политические мотивы выбора партнеров по ССТ ЕАЭС

Все страны ЕАЭС заинтересованы в развитии торгово-политических отношений с другими странами. Однако их приоритеты различны. Для второстепенных членов ЕАЭС отношения с Россией, как правило, имеют большее значение, чем глобальные события и геополитические разногласия. Однако некоторые из них стремятся уравновесить зависимость от России более широкими экономическими и политическими связями. Для России, как преемницы Советского Союза, глобальная повестка дня выглядит более важной; российские лидеры мыслят глобально. Таким образом, обсуждая и объясняя эволюцию ЕАЭС, мы должны, прежде всего, учитывать позицию России.

³ АКТ — Африка, Карибский бассейн, Тихий океан.

Существует очевидное противоречие между геополитической ролью России и ее геоэкономической ролью. В политическом плане РФ остается одной из 2-х ключевых ядерных держав, постоянным членом Совета Безопасности ООН и серьезно воспринимается всеми глобальными политическими игроками. Экономически Россия занимает 5-е место по ВВП (ППС) и 10-е место по номинальному ВВП и воспринимается как крупный экспортер нефти и природного газа, а также региональной энергетики. Это противоречие, вместе с ностальгией по советскому времени, во многом объясняет постоянные усилия РФ по реинтеграции бывших советских республик в некое региональное образование. Однако условия для деятельности по реинтеграции не очень благоприятны. На Западе Европейский Союз (ЕС) обладает сильной экономической и институциональной гравитацией, привлекая некоторые постсоветские страны больше, чем проекты, возглавляемые Россией. На востоке «горячее дыхание» Китая ощутимо в Центральной Азии. Китайское экономическое влияние здесь растет год от года. В этой ситуации Россия пытается укрепить свои экономические и политические связи с лояльными соседями, используя ЕАЭС: Беларусь и Казахстан первыми вступили в Таможенный союз (ТС) с РФ; Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС, построенному на базе ТС, в 2015 г.

ТС Беларуси, Казахстана и России (ЕАЭС) стал достаточно успешным проектом — как в исторической перспективе, так и в сравнении со многими другими соглашениями о таможенных союзах. Это первая реально работающая интеграционная инициатива после многочисленных соглашений между постсоветскими странами, которые остались в основном на бумаге. Более того, это 2-й Таможенный союз в современном мире, которому удалось ликвидировать таможенный контроль на внутренних границах (Шеров-Игнатъев, 2013). Тем не менее, даже взятые вместе, 5 стран уступают по масштабам экономики мощным соседям на Западе и Востоке. России и ЕАЭС нужны экономические партнеры, которые могли бы подкрепить и их (России) политические амбиции.

Политические и экономические обстоятельства (ухудшение отношений с западными странами с 2014 г., опережающее развитие стран Восточной и Юго-Восточной Азии) предопределили постепенный поворот российской внешнеэкономической политики на Восток. Поиск надежных партнеров в Азии привел российские власти к идее Большого евразийского партнерства. На политическом уровне термин «Большое Евразийское партнерство» был использован президентом В. В. Путиным во время его выступления на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г. (Путин, 2016).

Поворот на Восток воплощается, в частности, в форме соглашений о свободной торговле, заключенных с отдельными странами азиатского региона. Заключаются также торговые соглашения иного формата: речь, прежде всего, о Соглашении об экономическом партнерстве с Китаем. Оно не предполагает свободной торговли и не является предметом обсуждения в данной статье.

Внутренняя логика интеграционных инициатив также имеет значение. Успешное преобразование Таможенного союза 3-х стран в экономический союз 5-ти стран произошло в 2014–2015 гг., и интеграционная динамика требовала новых инициатив. Таким образом, организация ССТ со странами за пределами бывшего СССР стала первым шагом на новом пути и одновременно новой формой конкуренции с мировыми державами в сфере построения сетей ССТ.

Наряду с общими для всех ССТ факторами, рассмотренными выше, существуют и специфические объяснения выбора каждой страны-партнера.

Чтобы понять выбор Вьетнама в качестве 1-го партнера по ССТ за пределами территории бывшего СССР, необходимо вспомнить 2 факта. Во-первых, Вьетнам десятилетиями имел прочные связи с Россией и ее предшественником — СССР. Тысячи вьетнамских специалистов учились в СССР и знают русский язык, некоторые из них сегодня занимают высокие посты в руководстве своей страны и сохраняют дружеское отношение к России. Старшие поколения в России и российские лидеры также помнят мощную поддержку, которую Советский Союз оказывал социалистическому Вьетнаму во время войны с США (в 1964–1975 гг.).

Второй факт, который помогает объяснить выбор Вьетнама, — это китайская инициатива «Пояс и путь», провозглашенная в 2013 г. в Астане (ныне Нур-Султан), и неизменный интерес Китая к либерализации торговли с ЕАЭС. Российские власти стоят перед дилеммой. С одной стороны, они гордятся особым партнерством с Китаем в политических вопросах и стремятся к его дальнейшему укреплению. С другой стороны, российский бизнес и российская общественность не готовы к либерализации торговли с Китаем. Общее мнение таково, что это может погубить оставшиеся отрасли российской промышленности. Вьетнам очень похож на Китай по типу экономики и экспорта, а также по факторам конкурентоспособности. С этой точки зрения Вьетнам является идеальным местом для изучения переговорного процесса и последствий либерализации торговли.

Как Вьетнам, так и Сингапур, являются членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). И заключение ССТ с этими 2-мя странами может быть воспринято в контексте усилий Москвы по налаживанию более прочных отношений с этой организацией. Еще одной неэкономической причиной выбора Сингапура мог стать авторитет его бывшего лидера Ли Куан Ю, весьма уважаемого В. В. Путиным за его знаменитую модернизационную модель.

Выбор Ирана в качестве партнера по торговому соглашению явно продиктован, прежде всего, политическим партнерством 2-х стран в регионе Ближнего Востока, да и в глобальном масштабе. Целью торгового соглашения является укрепление экономической основы партнерства. Последнее относится также к Израилю, с которым ведутся переговоры о ССТ. Соглашение с Ираном имеет особое значение для Армении, не имеющей выхода к морю, из-за ее географических и политических проблем с доступом на рынки других партнеров.

Сербия является традиционным партнером России в Юго-Восточной Европе с XIX в., когда Россия помогла Сербии в ее освобождении от Османской Турции. Сербия не присоединилась к экономическим санкциям, введенным против России, и стала значительным поставщиком ряда продовольственных товаров, таких как сыр и особенно яблоки, что вызвало подозрения в реэкспорте яблок из стран, которые были объектом российских контрсанкций. Сербия подписала двусторонние ССТ с Россией (2000), Беларусью (2009) и Казахстаном (2010). ССТ с ЕАЭС, подписанная в 2019 г., заменяет эти 3 соглашения, стандартизируя условия торговых отношений (в основном списки исключений) и распространяя их на Армению и Кыргызскую Республику. Это соглашение имеет важное значение для России как единственное на сегодняшний день ССТ с европейской страной за пределами бывшего СССР. Перспективы Сербии стать членом ЕС в краткосрочной перспективе слабы из-за неурегулированного конфликта с Косово. Тем не менее, Сербия остается страной-кандидатом и может стать «мостом» между Россией / ЕАЭС и ЕС.

Экономические мотивы выбора партнеров по ССТ ЕАЭС

Значение азиатских партнеров ЕАЭС по ССТ в торговле между Россией и другими странами ЕАЭС, конечно, пока невелико. На долю 4-х стран — Вьетнама, Сингапура, Ирана и Сербии — приходится 1,5% российского экспорта и 2,4% импорта. Для ЕАЭС в целом эти показатели еще скромнее: 1,4% экспорта и 2,1% импорта стран Союза. С учетом половинчатой либерализации торговли с Ираном и изъятий из режимов свободной торговли с Вьетнамом, Сербией и Сингапуром снижение пошлин затронет в ближайшие годы (до окончания переходных периодов) менее 2,0% всего российского внешнеторгового оборота (табл. 2).

Таблица 2.

Роль партнеров по ССТ во внешней торговле России / ЕАЭС на 2019 г.*

Страна	Доля экспорта, %		Доля импорта, %	
	РФ	ЕАЭС	РФ	ЕАЭС
Вьетнам	0,27	0,24	1,55	1,28
Сингапур	0,54	0,51	0,24	0,20
Иран	0,28	0,32	0,16	0,25
Сербия	0,36	0,32	0,43	0,35
Всего	1,46	1,4	2,38	2,1

* Учтены только ССТ, заключенные от имени ЕАЭС.

Источник: рассчитано по данным ИТС (2020)

Если рассматривать только не-топливный экспорт России и Казахстана, то доля Ирана и, в течение ряда лет, Вьетнама, в экспорте ЕАЭС будет несколько выше, поскольку доля топлива в поставках в эти 2 страны ниже, чем в общей структуре экспорта Российской Федерации, Казахстана и ЕАЭС. В этом смысле либерализацию торговли с Вьетнамом и Ираном можно рассматривать как один из путей улучшения структуры экспорта и экономики в целом, а также расширения экспорта сельскохозяйственной, химической и машиностроительной продукции. Однако Сербия является более или менее типичным партнером для России в этом смысле: топливо составляет ½ ее импорта из России. Этот аргумент также не применим к Сингапуру, поскольку топливо составляет 90% российского экспорта в эту страну — больше, чем в российском экспорте в целом.

Экономических причин выбора Сингапура в качестве партнера по ССТ как будто бы и нет, если рассматривать только торговлю товарами. Сингапур — одна из самых открытых экономик в мире. Он не устанавливает тарифов на импортную продукцию (за незначительным исключением транспортных средств, алкогольных напитков, табака и отдельных видов нефтепродуктов), и тарифные уступки со стороны ЕАЭС предоставляются в одностороннем порядке. В то же время Сингапур является ключевой и самой высокотехнологичной экономикой Юго-Восточной Азии, «мостом» в регион для бизнеса из стран ЕАЭС. Это популярное место для регистрации компаний благодаря очень либеральным, быстрым процедурам. Таким образом, ССТ помогает дополнить удобную деловую среду в Сингапуре благоприятными условиями для ведения бизнеса с Россией и другими странами ЕАЭС.

ССТ ЕАЭС: особенности и некоторые экономические эффекты для России

Из 4-х ССТ, уже подписанных ЕАЭС, два (с Ираном и с Сербией) касаются только торговли товарами, а два других соглашения имеют более широкую повестку дня.

Временное торговое соглашение с Ираном было зарегистрировано ВТО, несмотря на сомнения относительно его соответствия правилам статьи XXIV ГАТТ. В своем нынешнем промежуточном формате оно выглядит, скорее, как частичное торговое соглашение, чем как ССТ. Обе стороны подошли к торговому соглашению очень осторожно, причем по сходным причинам: Россия и Иран живут в условиях санкционного режима, они осознают недостаточный уровень конкурентоспособности своих отраслей, и их руководство, вероятно, с подозрением относится к идее либерализации вообще. Соглашение с Ираном будет действовать 3 года. Статья 1.3 временного соглашения с Ираном предусматривает, что переговоры о создании полноформатного ССТ начнутся в течение одного года с даты его вступления в силу и должны быть завершены в течение 3-х лет. Временное соглашение предусматривает взаимные преференции в области тарифной защиты. Помимо последствий либерализации тарифов, главным ожидаемым эффектом этого соглашения является повышение взаимной предсказуемости и прозрачности: предполагается исходить из правил и положений Всемирной торговой организации, что крайне важно, поскольку Иран еще не стал членом ВТО.

Соглашение о свободной торговле с Сербией является довольно лаконичным и не имеет существенных особенностей. Оно не сулит серьезных изменений для двусторонних торговых отношений в связи с уже существующим режимом свободной торговли между Сербией и тремя основными странами-членами ЕАЭС. На октябрь 2020 г. ССТ не вступила в силу. Тем не менее, средневзвешенные тарифы в торговле между Россией и Сербией уже низки: 0,3% для сербских товаров, поставляемых в Россию, и 0,02% для российских товаров в Сербию.

ССТ ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром выходят за рамки соглашения о торговле товарами. Оба ССТ включают разделы, посвященные защите прав на интеллектуальную собственность, государственным закупкам, конкуренции, устойчивому развитию и электронным технологиям в торговле. Однако тексты соответствующих разделов свидетельствуют об ограниченном характере договоренностей, выходящих за рамки торговли товарами. Это скорее разговор о механизмах сближения позиций. Глава «торговля услугами, инвестиции и перемещение физических лиц» касается только России: ЕАЭС пока не создал единого рынка услуг. В ССТ с Сингапуром такого раздела вообще нет. Стороны договорились, что в ближайшее время продолжат переговоры по либерализации торговли услугами и инвестиционного режима, а также заключат соответствующие соглашения с отдельными государствами-членами ЕАЭС. Таким образом, благодаря широкой повестке дня с минимальными реальными обязательствами соглашения о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром можно классифицировать как ССТ плюс/минус.

ССТ с Вьетнамом в целом соответствует правилам ВТО, предусматривающим либерализацию основной части торговли товарами. К 2025 г. беспошлинный ввоз товаров

для вьетнамских экспортеров составит до 90% позиций единого таможенного тарифа ЕАЭС⁴. Обращает на себя внимание парадоксальная ситуация с уровнем тарифной защиты. Как правило, российский экспорт, основанный на сырье, встречает более низкие тарифные барьеры в странах-партнерах, чем наоборот. В случае с Вьетнамом это не так: на 2019 г. средневзвешенный уровень ввозных таможенных пошлин на российскую продукцию во Вьетнаме превысил 3%, а средневзвешенный тариф на вьетнамские товары в России составил около 1,5% (табл. 3). Ключевым объяснением этого парадокса является нулевой тариф на импорт мобильных телефонов (*Samsung*), на которые приходится до 31% стоимостного объема вьетнамского экспорта в Россию (ИТС, 2020).

Таблица 3.

Торговля России с партнерами по ССТ, 2019 г.: средневзвешенные ввозные тарифы и суммы таможенных платежей

Индикатор	Сербия	Вьетнам	Сингапур	Иран
Средневзвешенный тариф для товаров из РФ	0,02%	3,24%	0%	19,0%
Средневзвешенный тариф для товаров из страны-партнера	0,3%	1,49%	2,9%	5,6%
Сумма ввозных пошлин, уплаченных при ввозе товаров из РФ, млн долл.	0,6	36,8	0	228,1
Сумма ввозных пошлин, уплаченных в РФ при ввозе товаров из страны-партнера, млн долл	3,2	48,9	16	21,8

Источник: рассчитано по данным ИТС (2020).

Евразийская экономическая комиссия, как переговорщик ЕАЭС с Вьетнамом и другими партнерами, на начальном этапе двусторонней либерализации была весьма осторожна. ССТ с Вьетнамом было первым соглашением такого рода. В частности, в отношении наиболее чувствительных категорий товаров, которые производятся в странах ЕАЭС, сохранена тарифная защита⁵. По менее чувствительным товарам (рубашки, блузки, платья, брюки, юбки, нижнее белье, свитера, детское белье, а также мебель) применяется специальный триггерный механизм, позволяющий в случае угрозы для рынка вводить в упрощенном порядке пошлины на уровне Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Соглашение с Сингапуром, как уже отмечалось, характеризуется асимметрией тарифных уступок, которые, по сути, носят односторонний характер. Подобная асимметрия характерна не только для ССТ Сингапура с ЕАЭС: это государство заключило несколько одинаково асимметричных ССТ с крупными и малыми партнерами. Тарифные обязательства членов ЕАЭС предполагают предоставление беспошлинного доступа для 40% сингапурских товаров сразу после вступления соглашения в силу и более 87% — после завершения всех переходных периодов (от 3 до 10 лет). В Перечень изъятий входят такие чувствительные

⁴ Средняя ставка импортного тарифа Вьетнама для стран ЕАЭС снизится с 10% до 1% к 2025 г. В частности, на сельскохозяйственную продукцию ввозные пошлины снижены с 16% до 0,2%, на промышленную продукцию — с 8,9% до 0,1% (ЕЭК, 2016).

⁵ К ним относятся текстильные пальто, костюмы, комплекты, жакеты, блейзеры, пиджаки.

продукты, как говядина, сыр, крепкие алкогольные напитки, детское питание, молочные продукты, автомобили, самолеты (ЕЭК, 2019).

В табл. 3 представлена краткая информация о тарифной ситуации с 4-мя ССТ по состоянию на 2019 г. Как можно заметить, степень либерализации сильно варьируется: иранские тарифы остаются очень высокими — 19%, в то время как доступ на рынки Сербии и Сингапура практически свободен от тарифов. Иран собирает самый большой объем импортных пошлин среди 4-х стран; следовательно, отмена тарифов в торговле с Ираном будет означать для иранского бюджета потерю более 200 млн дол. Эта цифра может быть воспринята как приближенная оценка выгод, которыми будут пользоваться российские экспортеры и иранские импортеры. Масштабы выигрыша для бизнеса и потребителей, а также потерь бюджета, в процессе дальнейшей либерализации торговли России с Вьетнамом, с учетом сохранения изъятий из режима свободной торговли даже после окончания переходного периода, не превысят 30–40 млн долл.

Сложившаяся тарифная ситуация в торговле России с Ираном и Вьетнамом по-своему парадоксальна: российские товары сталкиваются в этих странах с более высокими тарифами, чем их товары — в России. Это нетипично для стран — экспортеров сырья и топлива. Причины такого положения были охарактеризованы выше. В целом, наибольшего экономического эффекта надо ждать от ССТ с Ираном и Вьетнамом. Но в случае с Ираном многое будет зависеть от того, удастся ли перейти к более долговременному и глубокому соглашению. Применительно к Вьетнаму эффект также не будет достигнут автоматически: Вьетнам подписал много ССТ с важнейшими партнерами, и конкуренция на этом перспективном рынке только усиливается.

Выводы

Россия играет решающую роль в принятии решений ЕАЭС по вопросам двусторонней либерализации торговли ЕАЭС с третьими странами. Политические факторы играют в этом процессе не меньшую роль, чем чисто экономические, часто выходя на первый план. Заключенные к 2020 г. от имени ЕАЭС ССТ асимметричны, довольно своеобразны и непохожи между собой. ССТ с Сербией — корректирующее ранее заключенные индивидуальные соглашения и расширяющее сферу действия на 2 новые страны, минимально торгующие с Сербией, ССТ с Ираном — половинчатое и временное, но перспективное, особенно для России и для Армении как соседки Ирана. ССТ с Сингапуром отличается односторонними уступками со стороны стран ЕАЭС. Наиболее важным является первое из подписанных соглашений — с Вьетнамом. Его результаты пока проявились не вполне: продолжается переходный период, а статьи по торговле услугами пока касаются только России. Тем не менее, опыт именно этого соглашения должен послужить отправной точкой при подготовке новых соглашений со странами Юго-Восточной Азии, в частности, с Индонезией.

Список литературы

1. ЕЭК (2020) Евразийская экономическая комиссия, 2020. <http://www.eurasiancommission.org/>

2. ЕЭК (2016) Обзор ключевых положений Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам. ЕЭК, Москва, 2016. [Review of key provisions of the free trade agreement between the Eurasian economic Union and the Socialist Republic of Vietnam. EEC, Moscow, 2016 (In Russian).]
3. ЕЭК (2019) Евразийская экономическая комиссия, 2019. Список изъятий. [ECE (2019) Eurasian economic Commission, 2019. List of exemptions. (In Russian).] <http://www.eurasiancommission.org/ru/search/results.aspx?к=список%20изъятий&start1=21>
4. ЕЭК (2019) Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one Part, and the Republic of Singapore, of the Other Part. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/ЕАЕУ-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf
5. Путин В. В. (2016) Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. ЕС и проект Большой Евразии. Петербург // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> [Vladimir Putin, Plenary speech at the XX St. Petersburg International Economic Forum, (17 June 2016). President of Russian Federation (official site) (In Russian).]
6. Шеров-Игнатев В. Г. (2013) Mercosur и Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: проблемы асимметричных таможенных союзов // Латинская Америка. № 12. С. 44–52 [Sherov-Ignatev V. G. (2013) Mercosur and the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan: Problems of Asymmetric Customs Unions. Latinskaya Amerika. No. 12. Pp. 44–52. (In Russian).]
7. Hinz J (2017) The Ties that Bind: Geopolitical Motivations for Economic Integration. Kiel Working Papers 2085, Kiel Institute for the World Economy (IfW), p.31.
8. Limão N. (2007) Are Preferential Trade Agreements with Non-trade Objectives a Stumbling Block for Multilateral Liberalization? // The Review of Economic Studies. (July 2007) Vol. 74. Iss. 3. Pp. 821, 855.
9. Taedong Lee, ByoungInn Bai (2013) Network analysis of free trade agreements // The Korean Journal of International Studies. Vol. 11. Iss. 2. Pp. 264, 293.
10. ИТЦ (2020) International Trade Centre, Geneve. www.trademap.org.
11. WTO (2020) World Trade Organization. Regional Trade Agreements Database. 2020. <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (Accessed 01/10.2020).
12. Yamamoto K. (2014) FTA Negotiations with Side Payments: Asymmetric Countries and Asymmetric Information. Kanto Gakuin University, Japan.

The EAEU free trade agreements with third countries: reasons for Russia

Vladimir G. Sherov-Ignatev,

St Petersburg University, 7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg 199034, Russia

Bilateral free trade agreements (FTAs) remain popular and proliferate, despite the zigzags of trade policies of the United States and some other countries. The Eurasian economic Union (EAEU) started building its FTA system later than other economies. The purpose of this article is to identify the reasons for concluding free trade agreements, the approaches for choosing partners, and the expected results of bilateral trade liberalization for Russia. The conclusions are based on a

comparative analysis of the composition and texts of agreements, and also take into account the results of calculations using trade statistics. The author shows that the asymmetry of the EAEU largely determines the asymmetry of both the motives and economic effects of the concluded FTAs.

Keywords: *Eurasian economic Union, Russia, free trade agreements, economic and political motives.*

JEL codes: *F02, F14, F15.*